

Hélène Carrère
d'Ankoss

Элен Каррер
д'АнкоСС

Россия и Франция
От Петра Великого
до Ленина

Элен Каррер д'Анкосс

**Россия и Франция. От
Петра Великого до Ленина**

АНО "Политическая энциклопедия"

2019

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(2+4Фра)

д'Анкосс Э.

Россия и Франция. От Петра Великого до Ленина / Э. д'Анкосс —
АНО "Политическая энциклопедия", 2019

ISBN 978-5-8243-2435-8

В своей новой книге постоянный секретарь Французской академии Э. Каррер д'Анкосс, специалист по истории России и СССР, прослеживает развитие трехвековых отношений, которые, по ее словам, «столько раз сближали, объединяли, противопоставляли и примиряли Россию и Францию». Автор называет историю этих отношений «настоящим захватывающим романом». Именно такой роман представляет собой и ее книга, где показаны многообразные перипетии русско-французского политического диалога, даются характеристики деятелям, в различные периоды отвечавшим за внешнюю политику обеих стран. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей России и международных отношений, в частности русско-французских. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(2+4Фра)

ISBN 978-5-8243-2435-8

© д'Анкосс Э., 2019
© АНО "Политическая
энциклопедия", 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Петр Великий: Окно, прорубленное в Европу... и во Францию	10
Глава 2. От французской мечты к немецкому засилью	16
Глава 3. Елизавета: Выбор в пользу Франции	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элен Каррер д'Анкосс Россия и Франция. От Петра Великого до Ленина

© Librairie Arthème Fayard, 2019

© Пешков А. А., Чувирова О. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия»,
2021

Пролог

История трехвековых отношений, которые столько раз сближали, объединяли, противопоставляли и примиряли Россию и Францию, – настоящий захватывающий роман!

Их начало складывалось многообещающе. В XI веке прекрасная княжна Анна Ярославна приехала из Киева в далекие края, чтобы стать женой французского короля Генриха I. Отец принцессы Ярослав Мудрый, замечательный правитель, превратил свой стольный град Киев, знаменитый четырьмя сотнями церквей с великолепными фресками, в соперника Константинополя. Богатство его государства, могущество, но также щедрость князя, поскольку он открывал двери всем изгнанникам, бежавшим из своих стран, обеспечили ему почетное место среди правителей-современников. Потому союз со столь славной семьей интересовал всех европейских суверенов, и, выдав замуж за короля Франции одну из дочерей, Ярослав вскоре дал согласие на браки двух других: Елизаветы с королем Норвегии и Анастасии с королем Венгрии. В то время Киев был одним из самых уважаемых и процветающих городов Европы, о чем свидетельствуют слова Анны, которая по прибытии в Компьень с ностальгией упоминала о его великолепии и не скрывала растерянности перед лицом еще грубых нравов французского двора.

Однако великолепие Киева просуществовало недолго. Сразу же после смерти Ярослава имущественные распри уничтожили его наследие. В течение двух веков около 200 князей боролись за земли, которые объединил Ярослав; в результате Киевское княжество утратило свое единство и блеск. Безусловно, подобные усобицы были свойственны не только русским землям, в ту же эпоху и Западная Европа оказалась во власти феодальной анархии. Но в Киеве и в Северо-Восточной Руси последствия этих бедствий усугубила вторая катастрофа – монголо-татарское нашествие, которое продлилось два с половиной века. Оно искусственно отделило Россию от Европы, частью которой она всегда являлась. А в период, когда Россия переживала века изоляции, Европа пробуждалась. Во Франции замечательные короли, Карл VII и Людовик XI, прилагали все усилия для создания сильного государства. Европейская цивилизация, славная не только французскими государями, но и католическими монархами Испании, династией Тюдоров в Англии, правителями Австрии, вступила в полосу невероятного роста.

Россия же очень отстала от европейского возрождения. Лишь в середине XV века первый ее государь приступил к процессу объединения территорий, готовя в перспективе изгнание татар. Проводником медленного восстановления выступил Иван III, который начал с подчинения своей власти всех непокорных князей. Он взял в жены Софью Палеолог, племянницу последнего императора Византии Константина, и претендовал на статус наследника византийских императоров. Кроме такого «обращения к авторитету» (*argumentum ad verecundiam*), его женитьба принесла России еще одно большое преимущество: привлекла туда множество иностранцев, прежде всего греков и итальянцев, – архитекторов, военных инженеров, артиллеристов, которые дали русским столь недостающие им знания и открыли дверь во внешний мир, бывший до того момента для них загадкой.

Таким образом, Ивану III, чья деятельность часто сравнивали с деятельностью Людовика XI, и его наследнику Василию удалось вернуть России независимость, построить жизнеспособное государство, которое будет быстро набирать силу, но прежде всего вернуть потерянную за столетия татарского ига идентичность. Этот прорыв мог бы принести России признание ее существования и возвращение в Европу.

Но признание не приходило. Европейцев мало интересовала страна, которая с давних пор была для них *terra incognita*, а сами русские не решались на сближение с Европой. Русские правители не разрешали своим подданным выезжать за границу и не побуждали иностранных торговцев приезжать в Россию. Неосведомленность европейцев и недоверие русских стали причинами, по которым встреча России и Европы тогда не состоялась. Тем не менее

с самого начала своего правления в 1505 году Василий, сын Ивана III, стремился положить конец изоляции России. Он отправил посольства во все европейские страны, за исключением Франции и Англии, что трудно объяснить. Однако решение открыть свою страну вовне, про- рубить «окно в Европу», и в частности к Балтийскому морю (единственному доступному тогда для России), принадлежит его преемнику Ивану IV, известному под именем Ивана Грозного. Первой он хотел вовлечь в свой проект Англию – остров, населенный купцами и бесстрашными путешественниками, которые уже отваживались приближаться к границам России. Он предложил королеве Елизавете эксклюзивное право на ведение торговли в его стране в обмен на поддержку против двух соседей и извечных врагов России – Польши и Швеции. Предложение осталось без ответа. Зато Ивану IV удалось завязать диалог с Францией, как будто более перспективный. Генрих III ответил на российские авансы отправкой к царю французских негодантов с рекомендательным письмом, подтверждающим его стремление установить плодотворные отношения между двумя странами. Окончательный результат получился не столь впечатляющим, как ожидалось, но все же небезынтересным. Французские купцы прониклись интересом и к России, и к полученным там предложениям и решили обосноваться в Москве. Не это ли положило начало французскому присутствию в России?

К несчастью, первые шаги в установлении франко-русских отношений, если не считать упомянутого королевского брака, не получили продолжения из-за внутренней смуты, которая в очередной раз опустошила Россию, приведя государство и страну на край пропасти. Эта смута возникла в связи с кончиной Ивана Грозного, который во второй половине своего царствования свел на нет предшествующие достижения страны и разрушил государственные структуры. К итогам этого ужасного периода нужно добавить, что тогда он ввел в России крепостное право, ставшее для нее в будущем огромной проблемой.

Но «смутное время» закончилось национальным подъемом, приведшим к восстановлению мира внутри страны и выбору новой династии – Романовых.

С появлением на исторической сцене Романовых в 1613 году Россия вновь обретает самостоятельное существование и очень скоро проявляет стремление к налаживанию связей с Западом, хотя первые шаги делает осторожно. Со своей стороны, западные государства также поворачиваются к России. Первой реагирует Англия, прося царя предоставить ей право пользования дорогами, ведущими в Персию и Индию. Царь Михаил посоветовался с московскими купцами; те возразили, что не выдержат конкуренции с англичанами, если последние получают подобную привилегию без денежной компенсации. Англичане не собирались платить, и переговоры были прерваны.

И снова завязываются и благоприятно складываются отношения с Францией. В 1615 году царь отправил посланника ко двору Людовика XIII с известием о своем восхождении на трон и просьбой о помощи против Швеции и Польши. В 1629 году посол Дюге-Корменен прибыл в Москву для переговоров о праве на проезд в Персию, в котором было отказано английским торговцам, и в связи с этим завел речь о возможном политическом альянсе. «Его царское величество, – говорил он, – стоит во главе восточных стран православного вероисповедания. Людовик, король Франции, – во главе южных стран. Если царь вступит в союз с королем, он значительно ослабит своих врагов. Поскольку император – в союзе с королем Польши, царь должен вступить в союз с королем Франции».

Если возможность торгового соглашения тогда обсуждалась, то политический союз, первый когда-либо рассматриваемый между Россией и Францией, не получил конкретизации, как и торговый договор. Хотя еще до Людовика XIII Генрих IV хотел установить отношения с Россией. Но осторожный Сюлли его разубедил.

В 1645 году на смену своему отцу Михаилу пришел царь Алексей. Как и Михаил, он взошел на трон очень молодым. Как и Михаилу, ему не хватало опыта. Но, как Михаил, он горел желанием завязать отношения с Европой. Дав согласие на просьбу казака Богдана Хмельниц-

кого присоединить Малороссию (Украину) к России, царь приблизил территорию последней к Европе. Он завладел Киевом, колыбелью восточного христианства. По Андрусовскому договору, подписанному в 1667 году с Польшей, ставшей жертвой экспроприации, Россия приобрела власть над Киевом на 2 года, но в дальнейшем Москва не согласилась пересматривать свои права на это приобретение. Когда началась война с Польшей, вызванная присоединением Украины к России, царь Михаил отправил к королю Франции эмиссара, чтобы проинформировать его об этом и попросить помощи. В 1668 году ему на смену пришел другой посредник, имевший задачу предложить Людовику XIV установить с Россией регулярные отношения и открыть для французских кораблей порт Архангельск. Этот посланец, Петр Потемкин, старался убедить Кольбера в преимуществах российского предложения, но напрасно. Стоит ли удивляться, что разочарованная французской холодностью и сдержанным отношением французских купцов к ее предложению Россия под управлением царя Алексея обратилась тогда к Германии? О возрастающем влиянии немцев свидетельствовала процветавшая в Москве немецкая слобода.

Для понимания трудностей в налаживании франко-русских отношений следует проанализировать, как каждая из сторон видела другую.

В глазах России Франция была символом могущества и европейского престижа, и в правление Людовика XIV этот образ достиг своего апогея. Сразу же после прихода к власти все русские цари искали контактов с Францией, ее поддержки, пытались установить с ней связи. Брак Генриха I и Анны Ярославны служил им рекомендацией и моделью отношений, которые они хотели построить. Однако, вопреки предоставляемым ими гарантиям в виде восстановления порядка внутри страны, укрепления государства и вновь приобретенной независимости, они постоянно встречали сдержанный прием. Для французов Россия находилась вне Европы и ее цивилизации, в лучшем случае она казалась им экзотической, но скорее варварской страной, как свидетельствовали редкие путешественники, с опаской доезжавшие до этих удаленных краев.

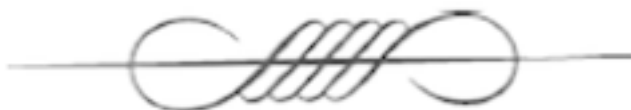
К разнице с трудом сближаемых представлений друг о друге добавляется еще один важнейший фактор – отношения Франции и России с некоторыми третьими европейскими странами. С периода Тридцатилетней войны Франции не давало покоя возрастающее могущество Габсбургов. Для противостояния им она построила систему союзов с тремя странами: Польшей, Швецией и Османской империей. Эти страны составляли для Франции «восточный барьер», который защищал ее от Габсбургов и отвлекал их внимание от Европы, развязывая Франции руки.

Между тем три названные страны соседствовали и с давних пор враждовали с Россией. Резюмируя ситуацию, столь важный для Франции «восточный барьер» включал закоренелых врагов российского государства и создавал очевидный фронт франко-российского противостояния.

В труде, посвященном внешней политике Людовика XV, Альбер Вандаль показал возникшую перед королем Франции дилемму, центральным вопросом которой были отношения с Россией. «Казалось, что ее [Россию] притягивает к нам врожденная симпатия», – цитирует Вандаль слова Сен-Симона по поводу посещения Версаля Петром Великим, «движимым одним неудержимым стремлением объединиться с нами». С тех пор Франция стояла перед выбором: «открыто заключить союз с Россией», который пришел бы на смену ее системе союзов со Швецией, Турцией и Польшей, или же сохранять верность традиционным альянсам и еще более укрепить их, «чтобы оттеснить Россию в ее пустыни и закрыть для нее доступ в цивилизованный мир». Долгое время Франция оставалась в нерешительности, что выдавало замешательство короля перед идеей сближения со столь отдаленной и с давних пор воспринимаемой как лежащая вне Европы страной. Однако эта растерянность пройдет со временем, как свидетельствует высказанное чуть более века спустя после визита Петра Великого Виктором Гюго мнение о России и ее месте в Европе: «Сегодня Франция, Англия и Россия – три

европейских гиганта. После недавних потрясений в Европе каждый из этих колоссов ведет себя по-своему. Англия держится, Франция оправляется, Россия просыпается. Эта империя, еще совсем юная посреди старого континента, в этом веке растет с невероятной быстротой. Ее будущее окажет огромное влияние на наше развитие. Не исключено, что придет день, когда ее варварство придаст новый импульс нашей цивилизации».

Да, немалый путь пройден от России – варварской страны, которую нужно «оттеснить в пустыни», до юной империи, способной вдохнуть в Европу новые жизненные силы. Первым на этот путь вступил Петр Великий, именно его неодолимое стремление к союзу с Францией, несмотря на частые препятствия, привело к утверждению европейской идентичности России и ее статуса европейской державы.

Глава 1. Петр Великий: Окно, прорубленное в Европу... и во Францию

С приходом к власти Петра Великого, чье правление кардинально изменит представление о России в Европе и ее отношения с большинством стран континента, начинается новая эпоха, отмеченная двумя исключительными монархами: Людовиком XIV во Франции и Петром Великим в России. Эти два политических деятеля будут господствовать на европейской политической сцене, но так ни разу и не встретятся.

В 1689 году 17-летний юноша восходит на русский трон. Петр Алексеевич Романов. Он пока еще не интересуется властью, но пылает страстью к военному искусству и кораблестроению. Сначала он управляет маленькими судами на прудах, расположенных на его землях. Но ему быстро надоедает возиться с фальшивым оружием и миниатюрными кораблями. Он хочет вести настоящую войну, и у него есть выбор между двумя врагами его страны: Швецией и Османской империей. Он выбирает вторую – турок, мусульман и союзников татар, господствовавших над Россией, о победе над которыми мечтал первый Романов – Михаил. Едва достигнув 22-летия, не имея иного опыта, кроме детских игр, он начинает завоевание Азова. И ему это удается. Взятие Азова в 1696 году – символ возрождения освобожденной от татар России, но еще более – державного будущего, которое открывает для нее выход к Черному морю. До этого момента Россия была заперта внутри континента; получив доступ к морю, она обретает возможность стать морской державой. Так Петр реализует первое из своих мечтаний.

Но он не останавливается на достигнутом. Сразу после его возвращения в Москву русский народ узнает о необычном проекте своего юного правителя. Он отправляет в Европу «великое посольство», включающее 250 человек, которые должны будут открыть этот далекий мир, столь отличный от их собственного, и вырвать у него секреты его мощи и процветания. Новость сопровождалась еще более невероятным слухом – сам царь намеревается участвовать в великом посольстве и не в качестве русского государя, но под вымышленным именем. Как можно вообразить, чтобы этот двухметровый великан сумел путешествовать инкогнито? Как представить себе, что царь России, страны всевозможных заговоров, жертвой которых уже бывал и он сам, мог покинуть свою страну на столь длительный период – 18 месяцев, как было объявлено?

Однако именно такие планы строил Петр Великий и начал осуществлять их сразу же после триумфа под Азовом. Для этого у него имелась неоспоримая причина. Одержав победу над Османской империей, следовало ее закрепить. России нужно было создавать союзы против турок. А также научиться у Европы технологиям, идеям, на которых основывался ее прогресс. И привезти в Россию людей, способных им обучать. В конечном итоге «великое посольство» станет для 24-летнего царя завершением образования и возможностью добиться признания России в Европе.

20 марта 1697 года столицу покидает процессия из 250 человек и неисчислимого количества саней и багажных телег, наполненных роскошными нарядами – соболями, расшитыми жемчугом и драгоценными камнями шелками для приемов и подарков. Затерянный в толпе путников царь, тем не менее, привлекает к себе внимание, и секрет его анонимности быстро разгадывается, но все принимающие его правители будут ее уважать. Петр пересекает Европу, Германию, Голландию, Англию, радушно принимаемый и чествуемый повсюду, везде открывая для себя и изучая что-то новое, как и хотел. Но в маршруте путешествия не хватает одной страны – Франции. Сен-Симон дает этому объяснение: король Людовик XIV не приветствовал визита Петра. Причина, приведенная Сен-Симоном, кажется более чем правдоподобной. В то время Людовик XIV господствует во всей Европе благодаря своим славе и могуществу,

он – самая влиятельная фигура на континенте. Для него империя царей не является частью просвещенного мира, к которому он принадлежит, но в лучшем случае – осколком Средневековья. Более того, победы Петра Великого над Османской империей не на руку Людовику XIV. Нападение на одну из основ французской системы союзов поставило под сомнение его власть, посягнуло на всемогущество «Короля-Солнца».

Вдобавок путешественники из России пользуются во Франции дурной славой. Они – заносчивы, щепетильны в вопросах протокола и, возможно желая прикрыть свое невежество, отказываются следовать западным обычаям. Франция уже столкнулась с этим в 1687 году, когда царевна-регент Софья, сводная сестра Петра, отправила делегации в Голландию, Испанию и Францию. Во Франции эта экспедиция под руководством Якова Долгорукого обернулась полным фиаско. Как только она пересекла границу, все пошло наперекосяк. Чтобы решить финансовые затруднения, посланцы решили продать на рынке соболей, привезенных в подарок. Это обернулось оглушительным скандалом. Затем, очень гостеприимно встреченные у короля в Версале, они оставались там до последнего, отказываясь уходить. Наконец, вернувшись к себе, стали жаловаться, что их приняли недостойно, подвергли грубому обращению и презрению. Шум, поднявшийся вокруг беспокойной делегации, плохо знающей правила этикета, способствовал ухудшению отношений между Францией и Россией, и воспоминание об этом было еще свежо, когда во Франции узнали о путешествии Петра Великого.

К объяснению Сен-Симона можно добавить, что, возможно, и сам Петр не хотел посещать Францию. Он узнал об эпизоде с Долгоруким в его крайне враждебной по отношению к Франции версии, рассказанной посланцами и подчеркивающей презрительное отношение и плохое обращение, которым они подверглись в ходе визита. К тому же Людовик XIV сетовал на то, что царь воевал с Турцией, Петр же, со своей стороны, возмущался поддержкой, оказанной его противнику Францией, тем более необъяснимой в его глазах, что христианский правитель заключил союз с мусульманским государством против другого христианского государства. В XVII веке подобный альянс был неприемлем для России, считающей себя наследницей Византии.

Отношения с Францией после несостоявшейся встречи с «великим посольством» не имели никакой перспективы на улучшение, поскольку сразу же по возвращении домой Петр вступил в конфликт с другой составляющей французской системы союзов – Швецией, бросая новый вызов «Королю-Солнцу».

Отношения между Россией и Швецией были отвратительными уже в течение нескольких веков, поскольку обе страны соперничали за обладание побережьем Финского залива. Для России оно имело важнейшее значение, являясь ее ключом к Балтике. В XIII веке Швеция отняла у нее Карелию и ижорские земли. Царь Алексей, отец Петра, попытался их вернуть, но, ведя в тот момент войну с Польшей, не мог противостоять одновременно двум противникам. У Петра суть проблемы доступа к Балтийскому морю не вызвала сомнений: утраченные земли – русские, и их надо отвоевать. В 1700 году Швецией правил король Карл XII, 18-летний юноша, еще почти подросток, безо всякого опыта. Петр заключил, что настал момент вернуть потерянные территории. Вспыхнула Северная война. Ее начало сложилось благоприятно для Карла XII, который победил русских в битве при Нарве, но Петр терпеливо готовил продолжение боевых действий. С 1703 года, воспользовавшись амбициями своего противника в Польше, где Карл XII намеревался свергнуть с престола короля Августа, Петр сумел завоевать Ижору (Ингерманландию) и утвердиться на берегах Балтики. Вопреки всем усилиям, предпринятым для возвращения этих, как говорил Петр, русских территорий, Карл XII потерпел неудачу. Царь закрепил свой триумф, решив возвести свою столицу на берегах Балтики, у самых дверей Европы. Это оказалось масштабное и долгое предприятие. Город предстояло построить на болотах, не располагая в непосредственной близости никакими стройматериалами – ни камнем, ни древесиной, и силой переселить туда население, привыкшее к жизни в Москве. Однако

несколько лет спустя Санкт-Петербург, город Петра, вознесся над унылым и враждебным пейзажем, казалось, навсегда обреченный оставаться пустынным.

Победы Петра Великого над Османской империей и Швецией потрясли политический расклад в Европе. Франция не может больше рассчитывать на Швецию для сдерживания Австрии, в то время как могущество Габсбургов непрерывно растет. Для выполнения этой функции ей нужен новый союзник, не время ли подумать о России? В 1710 году, после укрощения в Полтаве шведской державы, которая уже никогда не оправится от поражения, маркиз де Торси, занимавший в то время пост министра иностранных дел, попытался убедить своего короля, что Франции необходимо обратить взгляд на Россию и прекратить игнорировать ее при построении новой системы союзов. В этой новой системе он предложил добавить к России Польшу, Данию и Бранденбург. Но король оказывается непреклонным, отвергая саму идею составления новых альянсов.

В сентябре 1715 года смерть короля открывает новый период. И теперь необходимость пересмотреть отношения с Россией осознается всеми: вся Европа поворачивает свои взоры на эту так долго презираемую страну. Союз, предложенный Торси, начинает конкретизироваться. Король Польши Август II, изгнанный с трона Карлом XII и вернувшийся его благодаря поддержке России, приехал к царю для продления союзного договора, связывавшего его страну с Россией. В тот же момент Дания заявила о своей готовности начать войну со Швецией, и упоминалось даже о проекте брачного союза между дочерью императора Иосифа и Алексеем, сыном царя.

Осознавая возможности, которые новая политическая ситуация открывала для России, Петр Великий развернул настоящую операцию по завоеванию симпатий. Он предложил обсудить союз между Францией и Россией и заверил своих партнеров, что сможет включить в него Пруссию и Польшу. Он добавил, что эта коалиция не помешает развитию франко-английских и франко-голландских связей, которыми так дорожили в Версале. Он также предоставил гарантии России для обеспечения соблюдения Утрехтского мирного договора. Наконец, Петр заметил, что королевский брак между семилетним Людовиком XV и дочерью царя Елизаветой, которая была годом старше, мог бы придать союзу особенную силу. Предложение понравилось регенту, но вызвало враждебность кардинала Дюбуа, который работал над заключением нового союза с Англией и опасался, как бы переговоры с Россией не повредили его усилиям. Он писал регенту: «Если, утверждая царя, вы изгоните англичан и голландцев с берегов Балтики, вы навсегда станете врагом обеих этих наций». И добавил, что это означает принести настоящие и длительные союзы в жертву сомнительному альянсу, так как «здоровье короля шатко, а его сын – ненадежен».

Колебания Франции подтолкнули царя отправиться вести переговоры лично. Он выехал во Францию в мае 1717 года, совершив одновременно грандиозное и не оправдавшее надежд путешествие. Грандиозное, поскольку регент оказал все возможные почести и знаки внимания, подобающие уважаемому правителю. Петр и его свита из 60 придворных встретили роскошный прием, несмотря на то что Петр отклонил некоторые условия. Так, он не захотел жить в подготовленных для него апартаментах Лувра, предпочтя поселиться в отеле, где чувствовал себя свободнее и находил больше соответствия своим неприхотливым вкусам. Однако он встретился со всеми, кого хотел видеть, и посетил все места, которые его интересовали. После первых переговоров с регентом, состоявшихся два дня спустя после его приезда, царю нанес визит король-дитя. Об этом визите существует множество рассказов, но очень важно подчеркнуть близость, сразу же установившуюся между великим правителем, приводящим в трепет гигантом, по-отцовски взявшим ребенка на руки, и маленьким королем, который без тени волнения произнес перед ним подготовленную по случаю речь. Назавтра царь нанес ему ответный визит, где царил та же теплая обстановка. В письме супруге Екатерине царь рассказывает: «Король – чуть выше нашего дворцового карлика. Это очень приятный ребенок статью и лицом и достаточно умный для своего возраста». Семилетний король, которого царь также

назвал «могущественной фигурой», вне всякого сомнения понравился русскому государю и подкрепил его намерение установить с ним семейные связи.

До прибытия в Париж царь выразил желание посетить вне протокола значительное количество мест и лиц. Регент дал согласие с условием, чтобы Петра, ради его безопасности, сопровождали солдаты королевской гвардии. Пожелания царя свидетельствовали о его неистощимой любознательности. Обсерватория, Ботанический сад, где росли более 2 500 видов растений, естественным образом притягивали его. Петр хотел посмотреть модели крепостей Вобана, а также Монетный двор, где при нем отлили золотую монету. Царя торжественно приняли в Сорбонне, представив ему проект объединения восточных церквей. Он передал его своим епископам с просьбой обдумать. Петра Великого мало привлекала роскошь восточной церкви, консервативный характер которой вызывал у него сожаление, но можно предположить, что проект объединения его заинтересовал. Он посетил Академию наук, чьи труды были ему знакомы. Там он собственноручно исправил карту своих провинций, которую ему показали; она до сих пор хранится в архивах академии в папке Петра Великого. Шесть месяцев спустя он с удовольствием узнал, что избран членом этой выдающейся корпорации. Он также посещал наугад, по воле своих случайных прогулок, ремесленные лавки и, любопытный до всего, долго расспрашивал их хозяев об их технологиях и товарах. Всех, кто сталкивался с ним, поражала его жажда знаний. Состоялись у него и весьма знаменательные встречи. 3 июня царь посетил Версаль, переночевав в Трианоне. Он выразил желание повидаться с мадам де Ментенон, которая после смерти Людовика XIV ушла в монастырь, основанный ею в Сен-Сире. Французам, пораженным его просьбой, он заявил: «Она оказала огромные услуги королю и стране». Петр Великий нанес визиты множеству членов королевской семьи и представителей аристократии. Например, Мадам, матери регента, которая признала шарм своего гостя, подчеркнув, однако, что немецкий он знает очень слабо; герцогине Беррийской, пригласившей его в Люксембургский дворец. Но подобным приемам, строго ограниченными правилами этикета, Петр Великий предпочитал беседы с «заслуженными людьми», с которыми говорил об их профессии и повседневной жизни. Он также побывал в казармах, больницах и всякого рода учреждениях, где, по его представлениям, мог научиться у своих собеседников средствам и способам в дальнейшем улучшить жизнь соотечественников. Именно в этих целях перед отъездом из столицы, с присущей ему любознательностью, он захотел принять участие в операции по удалению катаракты.

Наконец, по дороге домой он остановился в Реймсе, где ему показали Евангелие, написанное на старославянском языке, которое Анна привезла из Киева на свою свадьбу. С тех пор короли Франции в день помазания давали торжественную клятву на этом ценнейшем символе первого союза между Францией и Россией.

Петр оставил во Франции замечательную память о себе, о чем свидетельствует Сен-Симон: «Во Франции не забудут этого царя, столь глубоко и по-настоящему великого, чья самобытность и редкое разнообразие больших талантов и ценных достоинств навсегда превратят его в монарха, достойного самого большого восхищения вплоть до наших самых отдаленных потомков, несмотря на серьезные недостатки, связанные с его варварским происхождением, его страной и его образованием». Но удивлялась не только принимающая сторона. Пересекая страну, Петр Великий пришел в изумление при виде нищеты крестьян, замеченной им пропасти между столь впечатляющей роскошью и изобилием в столице и бедностью народа. Он даже спросил вслух, сколько времени сможет продержаться подобная система...

По дороге домой он остановился в Амстердаме. Именно там русские и французские дипломаты собирались вести переговоры о политических и торговых соглашениях между двумя странами. Секретная статья политического соглашения доверяла Франции роль посредника между Россией и Швецией и гаранта мира между ними. Внешне путешествие царя заканчивалось серьезным дипломатическим успехом, результаты которого, однако, не спешили проявиться. Вдобавок Петра Великого серьезно разочаровал провал важного для него проекта.

По завершении поездки он надеялся привезти в Россию французских специалистов в разных областях. За два десятилетия до этого «великое посольство» позволило ему привлечь в Россию большое количество немцев и голландцев, которые содействовали его проекту модернизации. Он надеялся провести ту же операцию в ходе своего пребывания во Франции, но его собеседники отнеслись к данной идее сдержанно, не понимая смысла создания в России французской общины, которая несла бы туда свои знания, но прежде всего французские идеи и дух. Таким образом, в России не возникло «французской слободы» наподобие немецкой, и это сказалось на влиянии Франции в России. Возможно, такая сдержанность объяснялась желанием Франции сохранить связи со Швецией, но еще более того (в этом состояла суть дипломатии Дюбуа) – желанием не задевать Англию. «Потом пришлось долго раскаиваться, что мы поддались гибельным чарам Англии и так по-дурацки презрели Россию», – не очень дипломатично замечает Сен-Симон.

Вопреки колебаниям Версаля относительно политического союза, после этого путешествия дипломатические отношения между двумя странами начинают оформляться. Они обменялись послами: Куракин, затем Василий Долгорукий в Париже, Кампредон в Санкт-Петербурге.

Переговоры должны были продолжаться, но все изменила смерть Карла XII, убитого в ходе норвежской кампании в 1718 году. Русско-шведская война возобновилась и закончилась в 1721 году триумфом русской армии. Помощь, оказанная английским флотом противникам России, оказалась бесполезной. Ништадтский мир, подписанный в 1721 году, принес России Ливонию, Эстонию, Ижору, часть Финляндии и Карелии. По мнению Франции, именно она способствовала установлению мира и помогла России в качестве посредника. На самом же деле к результатам Ништадтского мира привели прежде всего военные успехи Петра Великого, и он это знал. Амстердамский договор 1717 года, но особенно Ништадтский мир свидетельствовали о силе России и ее неоспоримом месте в европейской политической системе.

В ходе грандиозной церемонии, организованной в русской столице для празднования победы, Петр Великий оказывал особое внимание французскому послу. Он встретил Кампредона по его прибытии в Кронштадт и не отпускал от себя в течение всей недели празднований, к удивлению французской дипломатии. Однако сколь бы лестным ни казалось подобное внимание, ситуация сложилась неудобная, поскольку Петр Великий неустанно расспрашивал своего гостя. Думает ли Франция конкретизировать договор о дружбе и торговле? Какова ее позиция относительно предложенного царем расширенного союза? Тут-то Петр Великий оценил, насколько велики колебания Франции, а их причину узнал из слухов. Дюбуа и слышать не хотел о союзе, который не понравился бы Англии. Что же касается королевской семьи, то она не жаждала принять в свое лоно царевну сомнительного происхождения. Безусловно, царевна Елизавета являлась дочерью великого царя, но притом женщины низкого происхождения, и родилась в браке, вызывавшем нареkania. Совсем не обескураженный сомнениями французской стороны, Петр Великий выдвинул идею другого франко-русского династического брака. Он предложил руку Елизаветы другому принцу из французской королевской династии – герцогу Шартрскому, сыну регента, а также свою помощь в возведении пары на польский трон, что обеспечило бы России и Франции окончательный контроль над этим несговорчивым королевством. Идея понравилась регенту, которого поддержала прорусская партия. Однако она наткнулась на одно практическое препятствие: король Польши Август Саксонский был жив и, по всем признакам, намерен таковым оставаться, а Петр Великий не хотел устранять его насильственным способом. Он предлагал заключить брак, не дожидаясь освобождения польского трона. Версаль предпочитал, чтобы избрание герцога на польский престол произошло до брака. Кампредон стоял на стороне России, но в итоге проект вызвал возражения Англии. Дюбуа начал затягивать переговоры, не отвечая на настойчивые послания Кампредона, а затем признался, что Англия не в восторге от проекта и лучшим решением будет его отложить.

Дело затянулось до 1723 года. К тому времени Дюбуа и регент умерли, а Людовик XV вошел на трон. Герцог Шартрский в конце концов женился на немецкой принцессе. В 1724 году премьер-министром стал герцог Бурбонский, и Петр Великий, постоянно фонтанирующий новыми замыслами, увидел в нем долгожданного кандидата на руку Елизаветы и трон Польши. Он обратился к герцогу, но тот поставил предварительным условием русско-английское примирение. Таковое состоялось после последней кампании Петра на Кавказе, в 1724 году. Не наступило ли наконец время для окончательного договора с Францией? Делая последнее усилие, Петр вновь заговаривает об этом. Ему отвечают, что всякий договор с Россией должен включать Англию. Царь не успел ответить на это требование, он умер в феврале 1725 года. Наследие своей стране он оставил значительное. Московия стала Российской империей, одной из главных европейских держав. Петр Великий утвердил империю на берегах Балтики. Однако не реализовал двух своих целей. Он хотел заключить союз с Францией и выдать дочерей замуж за принцев крови. Отказ Франции от заключения такого союза вызывал особенное сожаление. Решение, предложенное Петром Великим, – общий для двух династий король Польши – имело бы двойное преимущество. Оно укрепило бы франко-российский альянс, превратив страну-союзницу, инструмент французской политики, в орудие *общей политики*. А вечная проблема польского наследования перестала бы служить поводом для конфликта между Францией и Россией, превратившись в объект согласованной политики.

В момент окончания этого замечательного царствования перспектива союза с Францией казалась обреченной. Остается лишь констатировать, что Петр Великий никогда не жалел усилий на пути к его достижению и что на другом конце стола переговоров французская политика характеризовалась разочаровывающей выжидательностью и более того – обидчивостью и раздражительностью. Французскую неискренность показывает отношение к императорскому титулу, которым после победы над Полтавой наградил Петра Сенат с согласия Святейшего Синода. Разумеется, этот титул неохотно приняли европейские монархи, за исключением королей Голландии и Пруссии. Швеция присоединилась к ним в 1723 году. Король Англии Георг долго отказывался и признал титул лишь в 1742 году. Франция же сделала это только в 1745-м, притом лишь частично. Такая мелочность мешала отношениям двух стран.

Глава 2. От французской мечты к немецкому засилью

После смерти Петра Великого на трон, как он того хотел, взошла его жена Екатерина, «ливонка низкого происхождения». В 1718 году Петр Великий изменил систему престолонаследия, обеспечивавшую стабильность власти в России, отстранив своего первенца и наследника Алексея и назначив наследником сына от Екатерины, двухлетнего Петра. Последний умер год спустя, единственным наследником мужского пола оставался сын Алексея, тоже Петр, которого царь не признавал. И хотя ни одна женщина еще никогда не всходила в России на престол, мысли Петра обратились в тот момент к Екатерине. Указом от февраля 1722 года он отменил традиционные правила престолонаследия от отца к сыну, принятые в России, предоставив выбор преемника самому государю. Собственный выбор Петр продемонстрировал указом от 19 ноября 1723 года, где объявлял о намерении короновать Екатерину, которая уже носила, правда лишь из соображений учтивости, титул императрицы. Коронация состоялась 7 мая 1724 года. В момент кончины Петра клика фаворитов заявила, что Екатерина должна быть провозглашена императрицей. Князь Дмитрий Голицын попытался этому воспротивиться, сохранить традиционный порядок наследования, предложил сделать Екатерину регентом при несовершеннолетнем сыне Алексея, внуке почившего царя. Сенат отклонил это решение и возвел на трон вдову Петра, ставшую Екатериной I.

Едва взошедя на престол, императрица заявила, что намерена продолжать дело Петра Великого, оставив без изменений его политику и проекты. И поскольку союз с Францией занимал важное место в приоритетах почившего царя, она собственноручно взялась за этот проект, созвала совет министров, который провозгласил срочность его продолжения. Зная, что провал первоначальных планов связан с проблемой участия в союзе Англии, императрица заявила, что заранее согласна с этим пунктом; Кампредон, все еще пребывающий в русской столице, был немедленно информирован об этих решениях. Итак, казалось, обстоятельства благоприятствуют переговорам.

К тому же пришло известие, что брак Людовика XV с испанской инфантой утратил актуальность. Екатерина, верная проектам своего супруга, тут же заговорила с Кампредоном о браке с Елизаветой. В ходе предшествующих переговоров французская сторона возразила, что католический принц не может жениться на прихожанке православной церкви. Если проблема только в этом, парировала императрица, Елизавета готова перейти в католичество. Но кандидатура Елизаветы совсем не приветствовалась во Франции. И Екатерина сосредоточила внимание на польском троне. Изобретательная не хуже Петра, она предложила новый династический брак. На сей раз франко-русским кандидатом на польский трон выдвигался герцог Бурбонский, с другой женой – Марией Лещинской. Да, новая супруга не русская, но Россия поможет этой паре взойти на трон. А кандидатуре герцога будет благоприятствовать тот факт, что отец Марии, Станислав, уже был избран королем Польши в 1705 году при поддержке Карла XII. Правда, он отрекся, но оставался кем-то вроде перманентного претендента на постоянно оспариваемый трон. В данном вопросе российская поддержка окажется решающей для французского принца.

Екатерина попросила Кампредона убедить его правительство в пользу этого предложения, которое могло бы привести к заключению важного союза между двумя странами. Россия предлагала также предоставить на службу французским амбициям свои военные силы. Проект Екатерины включал переговоры в два этапа: сначала подписание двустороннего пакта, затем включение в него Англии.

Казалось, обстоятельства благоприятствовали Екатерине I. Отправка домой инфанты после отказа от франко-испанского брака возмутила короля Испании, и его раздражение распространилось на Англию. А император Карл VI подлил масла в огонь. Екатерина воспользо-

валась ситуацией. Почему бы Франции не обратиться за поддержкой к России? Для усиления своих аргументов она решила принять участие в распре на стороне противников Франции, чтобы та наконец осознала всю выгоду союза с Россией.

В тот самый момент, когда Екатерина I стремилась к успешному завершению своего французского проекта, на ее пути неожиданно возникли два препятствия. Прежде всего во Франции, где после объявления о расторжении испанского брака король вдруг заявил, что женится на Марии Лещинской, вызвав такой новостью изумление и разочарование в собственной стране. Для французского двора это было мезальянсом, для русского – страшной обидой. Предпочтя безвестную принцессу, дочь однодневного короля Польши, дочери великого русского императора, король Франции нанес России настоящее оскорбление. К тому же Франция таким образом давала понять Екатерине, что ее возможное вмешательство в дела Польши больше не имеет смысла. Это не единственный провал брачных проектов императрицы. В 1725 году старшая дочь Петра Великого вышла замуж за герцога Гольштейн-Готторпского, который находился под защитой Екатерины, включившей его в состав своего Верховного тайного совета. Между тем герцог стремился вернуть себе Шлезвиг, завоеванный в 1721 году Данией; гарантами завоевания выступали Франция и Англия. Опираясь на соглашение, подписанное двумя этими державами, Екатерина попросила их дать ее зятю компенсацию за потерю Шлезвига. Англия резко отказала, Людовик XV велел Кампредону прекратить переговоры с Петербургом.

Политика Екатерины I, отмеченная стремлением сохранить верность планам Петра Великого, также подчинялась влиянию человека, отныне главенствовавшего во внешней политике России, – Остермана. Сын вестфальского пастора, Остерман попал в ближайшее окружение царя в 1708 году. На конгрессе в Ништадте он сопровождал царя в качестве признанного специалиста по «вопросам Севера», а после его смерти вошел в Верховный тайный совет. В годы, предшествовавшие Ништадтскому миру, Остерман горячо выступал за союз с Францией. Но в 1725 году он пересмотрел и уточнил свою позицию, заметив, что Франция совсем не спешит примкнуть к российскому проекту относительно Польши, вяло защищает российские интересы в Стокгольме и отказывается занять определенную сторону в конфликте между Петербургом и Портой. Потому, когда в 1725 году Франция, Пруссия и Англия в столкновении с австро-испанской коалицией просят поддержки у России, Остерман не спешит с ответом. Вдобавок в то же самое время Австрия, которая больше не боится кары Петра Великого, осознает, что ее интересы близки к интересам России, и поручает своему представителю в Петербурге графу Рабютену начать переговоры о дипломатическом и военном союзе. Это предложение сразу нравится Меншикову, бывшему фавориту Петра, который имеет сильное влияние на Екатерину. Остерман сначала проявляет сдержанность. Но союз с Австрией прельщал Петра Великого в течение всего его правления. Поэтому после некоторых колебаний Остерман написал в докладе Верховному тайному совету, что, поскольку Франция не ответила ни на одно из предложений России, он рекомендует, чтобы Россия сблизилась сначала с Австрией, затем с Англией, Пруссией и Данией. Эти рекомендации получили одобрение. Договор о дружбе с Австрией был подписан 6 августа 1726 года в Вене, за ним последовала целая серия соглашений. Император Австрии примкнул к русско-шведскому союзу 1724 года, а Россия – к испано-австрийскому союзу 1725 года. Русско-австрийский договор, который будет определять внешнюю политику России в течение последующих 15 лет, удовлетворял все российские пожелания. Он включал серьезные военные гарантии, каждая из договаривающихся сторон обязывалась в случае, если другая сторона подвергнется агрессии, предоставить ей 30 000 солдат. Вена взяла на себя решение вопроса о компенсации герцогу Гольштейн-Готторпскому. А секретное положение гласило, что при нападении турок на Россию император вступит в войну на стороне последней.

Остерман считал, что этому договору надлежит носить чисто оборонительную направленность, он не хотел, чтобы из-за него Россия рисковала втянуться в европейскую войну. Его присоединение к договору имело сложную политическую подоплеку. Он надеялся со временем создать условия для сближения с Францией, но также ограничить влияние последней в Европе. Однако прежде всего он желал обеспечить долгосрочный мир на границах России. В центре этих соображений стоял польский вопрос. По мнению Остермана, наследство Августа II, когда оно будет доступно, ни в коем случае не должно было дать возможность для усиления влияния и тем более для вмешательства Франции, Швеции или Турции. Далее мы увидим, удалось ли ему добиться своего.

Императрица умирает в 1727 году. Ее наследник – еще совсем юноша, Петр, внук Петра Великого. Петр II физически напоминает своего деда, как и тот, он очень высок, красив и крепок, но сходство на этом заканчивается. В отличие от деда, он совсем не любознателен и предпочитает развлечения получению знаний и размышлениям. Однако его недостатки не окажут влияния на российскую политику, поскольку, заразившись оспой, он скончается всего два года спустя после восхождения на трон. И снова возникает проблема престолонаследия, так как, умерев столь внезапно, Петр II не успел – да и думал ли он об этом? – прибегнуть к процедуре, задуманной Петром Великим, назначить себе преемника. Таким образом, выбор пришлось делать Верховному тайному совету. Кто мог претендовать на наследование недолговечному правителю? Елизавета, вторая дочь Петра Великого? Безусловно! Но эта царевна, которой погнушалась Франция, вдобавок считалась чересчур легкомысленной. Выбор мог бы пасть на другого потомка Петра Великого, сына одной из его дочерей, 12 лет от роду. Но соревнование за наследование сталкивало между собой дворянские роды, которые хотели приблизиться к власти, избрав наиболее близкого им кандидата.

Следствием борьбы кланов стало неожиданное решение, означавшее смену ветвей династии. Совет обратил взоры на потомство Ивана, сводного брата Петра Великого, который делил с ним трон в течение регентства Софьи. У Ивана было две дочери, одна замужем за герцогом Мекленбургским, другая – Анна, вдова герцога Курляндского. Выбор пал на последнюю, поскольку она жила уединенно, вдали от дома, в Курляндии, никому неизвестная в России. Ее сочли слабой, готовой признать власть совета, который ее назначил, и навязали ей крайне жесткие условия: запрет повторного брака, назначения наследника, принятия каких-либо решений в области внутренней или внешней политики. Она согласилась со всем без возражений, с радостью обменяв Курляндию на корону, убежденная в своей возможности найти выход из ловушки, в которой оказалась.

Ее уверенность быстро оправдалась, так как, едва прибыв в Россию, она привлекла на свою сторону гвардию и мелкое дворянство и, опираясь на их поддержку, разорвала навязанное ей соглашение.

В результате долгого пребывания в Курляндии императрица Анна сохранила сильную привязанность ко всему немецкому. В ее правительстве главенствовали три немца: Остерман, по-прежнему ведавший внешней политикой, Бирон и маршал Миних, возглавивший армию. В тот период Остерман оставался сторонником союза с Австрией, но хотел дополнить его сближением с Англией. Примирение с Англией будет лучшим из того, что он сделает. Согласно русско-английскому торговому договору, подписанному в 1734 году, англичане обязывались поддерживать русские интересы в Польше, и в течение определенного времени речь даже шла о династическом браке между английским принцем Уильямом и молодой герцогиней Анной Мекленбургской, племянницей и возможной наследницей императрицы. Проект утверждения английского принца на троне Романовых потерпит неудачу, к тому же Англия и сама не желала слишком тесного сближения с Россией. Как не отметить здесь, что, по иронии истории, это сближение изначально поощрялось Францией, которая передала королю Георгу II русские предложения. Ее посредничество тем более удивительно, что в последние месяцы своего

министерства Остерман пытался организовать северную коалицию, враждебную Бурбонам и включающую, кроме Англии и России, Данию, Польшу и Голландию. Проект не претворился в жизнь, но с 1730 года Россия в союзе с Австрией выступает против Франции. Мечта о франко-русском союзе давно забыта, и отношения двух стран еще никогда не были столь плохими. Кампредон заменен в Петербурге лицом, временно исполняющим обязанности дипломатического представителя, пребывающим в бездействии. Флери, пришедший на смену герцогу Бурбонскому, совсем не интересуется проблемами севера Европы и особенно России, которую он считает коррумпированной и далекой от цивилизации.

Однако в России изменение ситуации кажется возможным. Чрезмерное влияние немцев в правительстве вызывает раздражение дворянства. Миних, обеспокоенный политическими последствиями такого недовольства, считает благоприятным сближение с Францией. В этот момент и начинаются секретные переговоры сначала между Маньяном, временно исполняющим обязанности дипломатического представителя Франции, сменившим посла Кампредона, и Минихом, затем между Маньяном и царицей. Императрице Анне нравится идея пересмотра альянсов, но она хочет, чтобы этот пересмотр был выгоден для ее страны. Поэтому она ставит условием, чтобы Франция поддержала возвращение России на берега Черного моря, отвоевание Азова и обязалась не противиться российским проектам в Польше, где борьба за наследство, как мы знаем, в тот момент как раз начиналась. Кардинал Флери колебался. Его соблазняла перспектива этого союза, но он опасался, что Франция принесет ему в жертву своих традиционных союзников на севере и востоке Европы и откажется от своего «восточного барьера», в то время как Австрия еще очень сильна. Он также задавался вопросом о политическом влиянии императрицы и реальном могуществе России без Петра Великого. В конце концов кардинал вернулся к традиционно используемой Францией в отношениях с Россией тактике: постоянно давать уклончивые ответы, не принимать никаких решений и затягивать переговоры. Нечего и удивляться, что попытка сближения провалилась. И несмотря на то, что союз с Австрией потерял всякую поддержку в России, Вена все же оставалась единственным возможным ее союзником, а Франция – врагом, хотя в России мечтали превратить ее в дружественное государство.

Эта неудача тем более досадна, что в тот момент Польша возвращается в центр политической борьбы. 1 февраля 1733 года Август II умирает, и польский трон привлекает множество кандидатов, поскольку для членов правящих семей, которым правила наследования не позволяли надеяться на возможность правления в собственных странах, избрание польским королем предоставляло единственный шанс надеть корону. Во главе кандидатов стоит сын Августа II Фридрих-Август, курфюрст Саксонии. Выделяется и еще один кандидат, вышедший из польской шляхты, – Станислав Понятовский. Франция остается верна своему протекже, Станиславу Лещинскому, свекру короля, однажды уже избранному королем Польши благодаря поддержке Карла XII, но вынужденному отречься от престола. В защиту его кандидатуры Франция выдвигает политические аргументы, утверждая, что ввиду географической удаленности от Польши не сможет вмешаться в ее дела, а следовательно, поддержка одного из кандидатов Францией является гарантией независимости Польши и ее будущего короля. Эта поддержка включала также финансовую помощь: маркиз де Монти, посол Франции в Польше, роздал около четверти миллиона франков всем, кто мог бы повлиять на выбор сейма. Но все оказалось не так просто. Годом ранее император Карл VI, царица и король Пруссии заключили «Союз трех черных орлов», согласно которому из будущего престолонаследия исключались как сын Августа II, так и Станислав Лещинский. Фридриху-Августу впоследствии удалось добиться снятия запрета на свое избрание, и Станислав Лещинский остался единственным не допущенным к выборам кандидатом. Казалось, Франция проиграла партию. Кроме того, ей непросто было отстаивать своего выдвиженца, поскольку тот сам не стремился представить собственную кандидатуру, утверждая, что, будучи уже избран в прошлом королем Польши, естественно, до

сих пор им остается и не может выступать претендентом. Он отказывался ехать в Польшу, как ни толкал его к этому посол Монти. Притом последний благодаря очень активной кампании, проведенной среди членов сейма, добился решения об исключении из списка кандидатов-иностранцев, что делало невозможной кандидатуру курфюрста Саксонии и освобождало путь для Станислава.

В Варшаве Россия взяла инициативу в свои руки и отправила на территорию Польши войска, в то время как сейм готовился к голосованию. Выборы состоялись 11 сентября. Станислава Лещинского избрали единогласно, за исключением 3 воздержавшихся, но в тот самый момент прибыла русская армия и разогнала сейм. Фридрих-Август был провозглашен королем 5 октября под именем Августа III, а Станислав убежал в Гданьск, где ожидал помощи от французского короля.

Перед лицом проверки боем Франция повела себя робко, особенно по отношению к России, главной ответственной за поражение Станислава. Кардинал Флери не осмелился вступить в конфронтацию со страной, союз с которой отверг, и удовольствовался отзывом временно исполняющего обязанности дипломатического представителя, предпочтя обвинить во всем одного Карла VI. Но прежде всего следовало думать о помощи Станиславу, которого русские осадили в Гданьске. Французы направили туда небольшое подразделение под руководством графа Плело, посла Франции в Копенгагене. Дело закончилось тяжелым поражением, сам граф Плело 27 мая погиб. Капитуляция Гданьска была подписана 24 июня, и Станиславу пришлось в очередной раз спасаться бегством, поскольку русские требовали его выдачи как условия для заключения мира.

Это печальное приключение и двойная потеря Станиславом короны прежде всего имели значение в том смысле, что сражение под Гданьском в 1733 году стало первым военным столкновением (конечно, ограниченного масштаба) между французскими и русскими войсками. Франция излила свой гнев за позор в Польше на Австрию. Она подняла против императора курфюрстов Кёльна, Майнца, Баварии и Пфальца, ее войска одержали триумфальные победы в Келе, Филиппсбурге, герцогстве Пармском и Неаполитанском королевстве. Австрия призвала Россию на помощь, но та не спешила с ответом. Венский мирный договор, подписанный в 1735 году, положил конец конфликту, закрепив победу Франции. Австрия потеряла Лотарингию и часть Италии. Россия, не принимавшая участия в конфликте, ничего не подписала, но дипломатических отношений с Францией не восстановила.

Франция проиграла политическую баталию за Польшу, зато выиграла мир и унизила Австрию. Еще больше ей посчастливилось на восточном фронте, где ее турецкий союзник находился под угрозой войск австро-русской коалиции, которая вошла на его территорию. В то время как русские войска, вопреки всем препятствиям, одерживали победу за победой, вернули Азов, свою давнюю цель, перешли через Прут – реванш за неудачу Петра Первого – и утвердились в Молдавии, австрийцы терпели многочисленные поражения. Обессилев, они запросили мира, и Россия оказалась в противостоянии с Османской империей одна. Франция тогда сыграла примечательную роль и некоторым образом компенсировала себе неудачи на шведском фронте. Маркиз де Вильнёв, посол в Константинополе и искуснейший дипломат, приложил все усилия к мобилизации турок и разжиганию разногласий между русскими и австрийскими союзниками. Именно он подтолкнул австрийцев, деморализованных непрерывными поражениями, сложить оружие и попросить мира. Ему также удалось ослабить Россию, убедив шведов начать против нее отвлекающую операцию и способствуя союзному договору между Портой и Стокгольмом. Парализованная этими инициативами, Россия была вынуждена прекратить боевые действия и заключить мир, не отвечающий ее интересам. Крайне унижительный Белградский мирный договор, подписанный 21 сентября 1739 года, обязывал Россию вернуть туркам Сербию и Валахию, не позволял ей укреплять Азов и не давал права на торговое судоходство в Черном море. Эта неудача обошлась России в 100 000 погибших. Франция

же вышла из конфликта в сильной позиции и требовала высокой оплаты за свои посреднические действия. Тем не менее она завоевала признательность России. Императрица засвидетельствовала Вильнёву свою благодарность, вручив ему престижный крест Святого Андрея вместе со значительным финансовым вознаграждением, от которого маркиз отказался. Петербург сделал из данного эпизода удивительные выводы. Князь Кантемир, которому царица только что доверила русское посольство в Париже, заявил, что «Россия была единственной державой, способной как-то нейтрализовать могущество Франции».

Со своей стороны, фельдмаршал Миних передал французскому офицеру де Тотту, приехавшему контролировать вывод российских войск из Молдавии, следующее послание для кардинала Флери: «Я никогда не поддерживал союз России с императором. По той причине, что императору грозила война больше, чем нам, а мы за эту войну заплатили бы больше, чем он. К тому же император всегда обращался со своими союзниками, как с вассалами. Свидетели тому – англичане и голландцы, они сами на себе это прочувствовали и, как хорошие политики, вышли из этого союза... Теперь наступило время возродить наш союз с Францией».

Касательно Швеции Миних добавил: «Франция может быть дружна со Швецией и с нами, однако я бы посоветовал ей более серьезно отнестись к союзу с нами, чем со Швецией. В Швеции достаточно одного голоса против, чтобы прекратить обсуждения, в то время как русское правительство деспотично, именно от правительств такого типа можно ожидать наибольшей поддержки».

Россия осознала, что означает французское вмешательство. Франция остановила ее на пути в Константинополь, нанеся ужасный удар по ее амбициям. Этот удар подтверждал опасения, выраженные князем Кантемиром. Франция более не терпела усиления России и противостояла ему всякий раз, когда представлялся повод.

Однако Россия продолжала мечтать о союзе с несговорчивым партнером. Царица показала это, адресовав исключительно горячую благодарность королю и незамедлительно назначив своего представителя во Франции. Ответный шаг был необходим, и король, в свою очередь, назначил представителя в России. Это оказался маркиз де ла Шетарди, в тот момент посланник Франции в Берлине, где он провел 10 лет.

Данный выбор имел важное значение, он подтверждал точку зрения Кантемира. Версаль не стремился к настоящему сближению, а просто хотел получать полную и достоверную информацию о положении в России и о ее планах. Параллельно с восстановлением дипломатических отношений с Россией Франция сближается с ее противниками, своими традиционными союзниками. Она подписывает новый союзный договор со Швецией и возобновляет договор о капитуляции с турками. Инструкции же, которые она дает своему новому послу в Петербурге, требуют изучения ситуации в России, оценки влияния царевны Елизаветы и «всего, что может указывать на возможность переворота».

Шетарди в России оказали исключительно пышный прием. В городах по дороге в столицу его встречали выстроенные в почетный караул полки и специально выехавшие приветствовать его местные представители власти. Императрица приняла Шетарди в присутствии двора, собранного в полном составе. Затем он без промедления явился к царевне Елизавете. Он выразил свое почтение дочери великого императора, ее красоте. Но его шаг носил прежде всего политический характер. Шетарди знал, что для множества русских Елизавета являлась законной наследницей Петра Великого. Достойные осуждения политические интриги помешали ей взойти на трон, но ее сторонники стремились вернуть царевне место, уготованное ей по праву рождения. Она также мечтала об этом. К тому же для русских, раздраженных «немецким засильем» при Анне, Елизавета воплощала надежду на возвращение к национальным традициям. Елизавета была глубоко русской по духу, прекрасно говорила по-французски и очень средне изъяснялась по-немецки. Шетарди отметил эту особенность, которая могла указывать на пред-

почтение Елизаветой Франции. Данные ему указания недвусмысленно гласили, что он должен тщательно изучить шансы принцессы взойти на трон.

Третий визит он нанес великой княгине Анне Леопольдовне, племяннице императрицы, которую та очень любила. Она выдала ее замуж за герцога Брауншвейгского и решила, что их ребенок станет ее преемником. Насколько Елизавета очаровала Шетарди, настолько Анна Леопольдовна показалась ему безликой и не представляющей никакого интереса.

Пока Шетарди знакомился с русским обществом, обстановка на границах страны накалилась. Грохот сапог, раздающийся из Финляндии, знаменовал, что шведские войска готовят там какую-то операцию. В ходе русско-турецких войн Швеция, которой надлежало вмешаться в войну и создать для России дополнительные трудности, открыв второй фронт, не сделала этого и в итоге не извлекла никаких выгод из окончания конфликта. Но, поскольку Россия была еще ослаблена этой войной, Швеция решила воспользоваться ситуацией и ударом из Финляндии вернуть земли, завоеванные Петром Великим. Обеспокоенный передвижениями войск, цель которых он прекрасно понимал, Остерман ждал от Франции, что та урезонит Стокгольм, но не хотел прямо просить ее о посредничестве. Тема втайне обсуждалась двумя дворами, когда произошло событие, которое в корне изменит русскую политику, – смерть императрицы Анны в ноябре 1740 года.

Для русских это предвещало конец немецкого засилья и прежде всего Бирона, которого народ называл «проклятым немцем». Бирон, осознающий вызываемую им ненависть, предусмотрел подобное. По его просьбе императрица назначила его регентом маленького принца Ивана Брауншвейгского¹. Она была тогда очень больна и легко поддавалась влиянию, но уступила только накануне своей смерти, подписав назначение, которое, как только о нем стало известно, вызвало возмущение всей страны. Как согласиться с решением, последствием которого станет закрепление немецкого засилья, с передачей страны в руки иностранца, к тому же еретика, презираемого всеми и связанного с умершей императрицей непристойными отношениями? Тут же посыпались имена наследников, которые могли претендовать на трон. Прежде всего повсюду говорили о Елизавете. Но называлось также, чтобы положить конец женскому царствованию, противоречащему национальной традиции, и имя внука Петра Великого, Петра Гольштейн-Готторпского. Таким образом, решение, найденное почившей императрицей, пережило ее совсем ненадолго. 17 ноября вспыхнул заговор, руководили которым, кстати, немцы – Остерман и в первую очередь Миних. Ни о чем не подозревавшего Бирона арестовали, вытащив из постели, и сослали в Сибирь. Завещание императрицы Анны было порвано, а регентство доверено великой княгине Анне Леопольдовне. Принц Брауншвейгский получил звание генералиссимуса, Миних стал первым министром, а Остерман сохранил свой пост вице-канцлера. Узнав об этом перевороте, три полка подумали, что он имел целью возвести на трон Елизавету, и устремились к ее дворцу. Поняв свою ошибку, они, разочарованные, вернулись в казармы, но эпизод не прошел бесследно. Идея решения вопроса о престолонаследии в пользу Елизаветы увидела свет, начала зреть, и Франция приняла в этом процессе активное участие.

Но прежде нужно рассмотреть событие, которое потрясло Европу и в очередной раз изменило первоочередные задачи ее держав. За неделю до смерти императрицы в Вене скончался император. И здесь тоже встал вопрос о наследовании. Государь попытался обеспечить права на престол для своей дочери посредством Прагматической санкции, но с его смертью ее положения были оспорены. Курфюрст Баварии требовал императорскую корону и все австрийские территории, король Саксонии – Богемию, а Фридрих Прусский, не довольствуясь одним изложением своих претензий, без объявления войны захватил Силезию. Европейское равновесие в том виде, в каком его устанавливали Вестфальский и Утрехтский договоры, оказалось на грани крушения, и его могло спасти только вмешательство третьих держав, каковыми явля-

¹ Иван Брауншвейгский будет царем Иваном VI.

лись Франция и Россия, гаранты Прагматической санкции. Кинутся ли они на помощь Марии-Терезии, которая только что стала королевой Венгрии? Готовы ли будут объединиться, чтобы поддержать Марию-Терезию и спасти Австрию? Или же, напротив, эти две державы уступят амбициям Фридриха II, принеся Австрию им в жертву? Наконец, не разойдутся ли пути Франции и России и не поддержит ли одна из них Вену, а другая Берлин?

Со времен правления Ришелье Франция всегда стремилась к ослаблению Австрии. Но в 1740 году ситуация выглядела иначе. В Испании на смену Габсбургам пришли Бурбоны, на Востоке Австрию поставили на колени, а Фридрих представлял собой опасного противника. В интересах ли Франции было еще более ослаблять теряющую силы Австрию? Об этом шли тайные дискуссии. Флери, осознавший новое равновесие, толкал короля к отказу от антиавстрийской политики и поддержке Марии-Терезии. По его мнению, такой выбор имел два преимущества. Франция могла получить Голландию, как давала понять Мария-Терезия. И это притормозило бы усиление Пруссии. Наконец, доказывал Флери, с этим выбором, очевидно, согласилась бы Россия.

Тем не менее король предпочел аргументы своих молодых советников, сгруппировавшихся вокруг графа де Бель-Иль и настаивавших, что для ослабления австрийского дома необходима иная политика. Нужно поддержать претензии курфюрста Баварии на императорский титул и заключить союз с Фридрихом II. Эти предложения понравились королю. Чувствуя себя в опасности, Мария-Терезия обратилась за помощью к России, но ее призыв не нашел там отклика. В первую очередь потому, что Россия оказалась в сложном положении, связанная обязательствами перед обеими противостоящими сторонами – по договору 1726 года с Венной с одной стороны и в рамках союза, подписанного во времена Петра Великого с домом Бранденбургов и только что продленного с Фридрихом, с другой. Какой из двух союзов выбрать? Немецкий клан, который окружал апатичную регентшу, разделился: принц Брауншвейгский стоял за поддержку королевы Венгрии, в то время как Миних, сторонник Фридриха II, предлагал выждать. Но ненависть к Миниху была столь сильна, что он предпочел уйти в отставку. Так в Петербурге победил австрийский клан.

После отстранения Миниха Австрия получила от России финансовую помощь и 30 000 солдат, как предусматривалось в договоре 1726 года. В тот же момент Франция, отбросив нерешительность, подписала союзный договор с Пруссией, Баварией и Саксонией. Надежды на возможность выработки общей франко-российской позиции для стабилизации Европы больше не осталось. Разрыв обострился вмешательством Англии, которая предложила Брауншвейгскому дому гарантии российского трона в обмен на российскую поддержку в своей борьбе против Франции. До сего момента Россия ограничивалась только декларациями о намерениях. Она еще не встала на сторону Австрии, довольствуясь заявлениями о соблюдении соглашений и намерении действовать ради сохранения мира.

В Версале поняли, что ситуация требует перехода к действиям. Там знали, что пытаться убедить Петербург отказаться от поддержки Вены бесполезно. Брауншвейгский дом видел в поддержке Вены средство для укрепления собственной династии. Миних, который мог бы привести контраргументы австрофильским настроениям, вышел из игры, а Остерман, ключевая фигура в российской внешней политике, заявил: «Малейшее посягательство на австрийские территории станет фатальным для всей Европы». Как заставить Россию изменить внешнеполитическую ориентацию? Классическое решение – подтолкнуть Швецию к развязыванию кризиса на российских границах. Стокгольм дрожит от нетерпения, и ему достаточно одного, даже самого незначительного, поощрения. Таким образом, 28 июля 1741 года Швеция объявляет России войну, уверяя, будто «ее армия перешла границу, дабы возместить ущерб, нанесенный королю *иностранными министрами*, правящими Россией, и чтобы освободить ее народ».

Но шведское вторжение – лишь часть удара, задуманного в Версале. Там победил проект свержения четы Брауншвейгов и возведения на трон дочери Петра Великого. Сблизившийся с

ней Шетарди утверждает, что она – франкофилка и что это будет лучшим средством усмирить российскую заносчивость.

Организовать заговор оказалось очень просто. Брауншвейгов ненавидели, как и немецкий клан у власти, и вся страна возлагала надежды на дочь Петра Великого. К тому же Елизавета обеспечила себе поддержку армии: посещая казармы, беседуя с офицерами и простыми солдатами, она приобрела многочисленных сторонников благодаря простоте и душевности манер. Да, у нее не было своей партии, но были друзья, в частности врач ганноверского происхождения Лесток. Видя, что Елизавете не хватает поддержки и денег, он информировал об этом Шетарди, а тот предупредил Версаль.

Правда, дальше не все складывалось гладко. Швеция, благосклонно отнесшаяся к проекту, обещала свою поддержку, но взамен потребовала от Елизаветы обязательства вернуть ей сразу по восшествии на трон часть областей на побережье Балтики, завоеванных Петром Великим. Франция поддержала это требование. Верная памяти отца и дорожащая интересами России, Елизавета не стала принимать на себя такое обязательство. Она отказалась даже направить королю Швеции письменную просьбу о помощи, как ее уговаривали, из страха быть обвиненной в сговоре со страной, которая всегда была врагом России. Ее опасения можно понять. Она сознавала, какой подвергалась опасности: традиционно мятежных или отвергнутых женщин царской семьи наказывали пожизненным заключением в монастырь. Елизавета знала, что, узнав о готовящемся заговоре, регентша не задумываясь прибегнет к этой мере и навсегда запрет ее в монастыре. Шетарди, толкавший ее к скорейшему принятию шведских условий, использовал и эту угрозу, чтобы убедить ее следовать его советам. Напрасно.

Слухи о заговоре распространились, австрийские и английские представители доложили о них регентше, и та вызвала Елизавету. Встреча двух женщин стала примером великого лицемерия: они взаимно уверили друг друга, что ни одна из них не имеет враждебных замыслов относительно другой. Но обе не отличались наивностью. Регентша знала, что время торопит и ей нужно как можно скорее избавиться от Елизаветы, чтобы заговор потерял смысл. И Елизавета это понимала. Все решилось в ночь с 24 на 25 ноября. Топот шведских сапог на границах России означал скорую отправку туда войск, и в первую очередь гвардии. Если же гвардия покинет столицу, переворот обречен на провал. Поэтому той ночью Елизавета пришла в казармы Преображенского полка, одетая в его форму, и, обращаясь к гвардейцам, провозгласила: «Вы знаете, чья я дочь». Такого призыва было достаточно, чтобы поднять многочисленное войско, которое последовало за ней в императорский дворец. Окруженная своей армией, Елизавета застала регентшу и ее супруга спящими, вытащила их из кровати и приказала отправить вместе с их двумя детьми на санях в секретное место, где их поместили под надежную охрану.

Глава 3. Елизавета: Выбор в пользу Франции

Стране объявили манифестом, что на трон взошла императрица Елизавета. Шетарди незамедлительно выслал во Францию перевод манифеста под названием «Реляция о перевороте, произошедшем в России 6 декабря 1741 года»².

Во втором манифесте от 28 ноября императрица оповещала свой народ, что, отказавшись от брака и материнства сама, назначает своим наследником сына старшей сестры, Петра Гольштейн-Готторпского, следуя, таким образом, желанию Екатерины I, которая вначале хотела передать трон внуку Петра Великого.

Организуя заговор, Елизавета поклялась избежать кровопролития. И теперь возникал животрепещущий вопрос о судьбе Ивана VI. Шетарди множество раз повторял Елизавете, что, пока принц жив, корона будет в опасности, поэтому она должна уничтожить его бесследно. Елизавета не соглашалась. После периода блужданий по различным отдаленным от столицы местам он в итоге попадет в крепость Шлиссельбург, откуда, словно призрак, будет витать постоянной угрозой над двумя царицами, которые сменят друг друга на русском троне. Ночью, последовавшей за переворотом, специальной комиссии было поручено решить судьбы министров. Та высказалась за крайне жестокие меры. Остермана приговорили к колесованию, Миниха – к четвертованию, остальных – к отсечению головы. Великодушная Елизавета смягчила все вынесенные приговоры, заменив их на вечную ссылку.

Некоторые историки считают описанный переворот работой Шетарди или, по крайней мере, плодом чисто французского заговора. Такое суждение опирается на неоспоримый факт поведения Шетарди в начале царствования Елизаветы: тот держал себя крайне уверенно, надменно, утверждая, будто он – единственный или главный советник императрицы. Но очень скоро его положение изменится с появлением в окружении императрицы великого министра Бестужева. Алексей Бестужев-Рюмин, которого императрица осыпала милостями (наградила орденом Святого Андрея и титулами вице-канцлера и графа), снова вернулся к традиционной русской политике.

² Обращаясь к своему правительству, он использовал григорианский календарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.